

УДК 94:327(497.11:470)"1912/1913"
323.23(470)"1912/1913"
327(497.11:436-89)"1912/1913"
DOI <https://doi.org/10.31212/zradova.17.rusijaisrbija.gus.231-246>

Никита Сергеевич ГУСЕВ, к.и.н.
Институт славяноведения РАН
gusevns@gmail.com

др Никита Сергејевич ГУСЕВ
Институт за словенске студије Руске академије наука

**Отношение русского общества к сербско-австрийскому
конфликту 1912-1913 гг.
Однос руског друштва према српско-аустријском
сукобу 1912-1913. г.**

Осенью 1912 г. началась Первая балканская война – Болгария, Сербия, Греция и Черногория совместно выступили против Османской империи. Сделали они это вопреки мнению великих держав, стремившихся предотвратить конфликт и угрожавших, что никакого изменения status quo на Балканах допущено не будет. Однако наперекор большинству прогнозов за короткий период времени войска православных государств полуострова разбили турецкую армию и установили линию фронта на Чаталджинских укреплениях близ Константинополя, оставив осажденными три крепости – Адрианополь, Скутари и Янину. Под давлением общественного мнения и в силу сложившейся ситуации европейские правительства «позабыли» о своих угрозах, и казалось, что мечты балканских союзников по разделу европейских владений султана близки к реализации. Но подобное самовольство было встречено в штыки Австро-Венгрией, имевшей свои планы проникновения на Балканы. Сербия рассчитывала разделить побережье Адриатического моря с Грецией, тем самым получить самостоятельный выход к морю и избавиться от зависимости от северной соседки. Имперское и королевское правительство прекрасно понимало, что тогда возможности „ползучей“ колонизации полуострова исчезнут, и выступило за создание независимого албанского государства в границах, ставящих крест на проектах Сербии.

15 октября 1912 г. премьер-министр Сербии Н. Пашич через печать выразил просьбу к великим державам передать его стране „хотя бы небольшой порт“ на Адриатике, в тот же день министр иностранных дел Австро-Венгерской монархии Л. Бертхольд на объединенном заседании австрийской и венгерской делегаций заявил, что монархия имеет „на Балканах жизненно важные интересы и будет отстаивать их при всяких обстоятельствах.“¹ Как вспоминал С.Д. Сазонов, вопрос сербского выхода к морю на продолжительное время сделался центральным во всей европейской политике, хотя сам по себе имел „чисто местное значение“. Отношение к нему сербского общества перекинулось и на российское, близкие ко двору круги и националистическая столичная печать начали активную, „шумную кампанию“, выражавшуюся в уличных демонстрациях, собраниях, потоке газетных статей, обвинявших руководство страны едва ли не государственной измене.²

28 октября военный министр В.А. Сухомлинов прислал не ожидавшему этого председателю правительства В.Н. Коковцову экстренное требование об отпуске в его распоряжение „в связи с событиями на Балканах“ 63 млн рублей на усиление обороны на австрийском фронте. При этом отметил, что Николай II запрос уже одобрил,³ тем самым демонстрируя пренебрежение мнением премьера и обособленное положение собственного ведомства.⁴ 31 октября на заседании Совета министров вопреки позиции главы кабинета запрос об отпуске средств в военное министерство был удовлетворен.⁵ Департамент полиции стал спешно выяснять моральную готовность населения к войне.

22 ноября В.А. Сухомлинов обратился к В.Н. Коковцову с письмами о необходимости готовиться к войне. На последовавшем совещании у императора С.Д. Сазонов указывал, что проведение мобили-

1 Писарев Ю. А., *Великие державы и Балканы накануне Первой Мировой войны*, Москва 1985, 116.

2 Сазонов С. Д., *Воспоминания*, Минск 2002. URL: militera.lib.ru/memo/russian/sazonov_sd/04.html (Дата обращения: 31.10.2019.).

3 Коковцов В. Н., *Из моего прошлого. Воспоминания 1911–1919*, Москва 1991, 178.

4 Последовавшее противоборство В.А. Сухомлинова и В.Н. Коковцова осенью 1912 г. освещается на основании мемуаров главы правительства и „Особых журналов Совета министров“ в статье М.Ф. Флоринского (Флоринский М. Ф., „Совет министров России и Военное министерство накануне Первой мировой войны“, *Труды Исторического факультета СПбГУ. Т. 5: История России: экономика, политика, человек*, Санкт-Петербург 2011).

5 Коковцов В. Н., *Из моего прошлого. Воспоминания 1911–1919*, 178–179.

зации лишь обострит отношения с Австро-Венгрией и подтолкнет Сербию к неуступчивости. В результате было принято решение начать закупку лошадей, усилить охрану мостов и передислоцировать кавалерийские части ближе к границе с Дунайской империей. Мобилизационные мероприятия отложили, поставив их реализацию „в зависимость от дальнейшего хода событий.“⁶ В конечном итоге, в Петербурге ограничились задержкой на службе нижних чинов, подлежащих увольнению в запас, что довело численность войск западных округов до штата военного времени. Согласно докладу по военному министерству за 1912 г., это было обусловлено „тревожной политической обстановкой и возможностью вооруженного столкновения с державами Тройственного союза.“⁷

Мысль о войне витала в воздухе, что вызывало у современников понятные опасения. Ставший вскоре петербургским городским головой И.И. Толстой записал об увеличении армии 31 октября в дневнике: „Несомненно имеет связь с балканскими делами.“⁸ Историк С.С. Ольденбург позднее вспоминал, что „в ноябре был момент, когда война казалась возможной.“⁹ 12 ноября поэт А.А. Блок среди прочего зафиксировал в дневнике: „Чай пьем у мамы, Франц, усталый и печальный, говорит – война: австрийцы мобилизовали 8 пограничных корпусов.“¹⁰ В декабре он узнал от служившего вольноопределяющимся К.К. Кузьмина-Караваева, что полк последнего готовится к войне.¹¹ Проникали эти сведения и в крестьянскую среду. В декабре житель деревни Тотьмы Вологодской губернии А.А. За-

6 *Особые журналы Совета министров Российской империи. 1909–1917 гг. 1912 год*, сост. Б. Д. Гальперина, Москва 2004, 386–391. Согласно мемуарам В.Н. Коковцова, ситуация выглядела несколько иначе. 19 ноября император созвал совещание, куда пригласил председателя правительства и министра иностранных дел, и поставил их перед фактом: днем ранее на встрече с командующими войсками варшавского и киевского военных округов он принял решение о проведении полной мобилизации киевского, частичной – варшавского, подготовке к аналогичным действиям в одесском военном округе. При этом российский монарх рассчитывал на поддержку германского императора (Коковцов В. Н., *Из моего прошлого. Воспоминания 1911–1919*, 182).

7 *Военная промышленность России в начале XX века 1900–1917*, Москва 2004, 423. В то же время С.Д. Сазонов в воспоминаниях относит эти события к первой половине 1913 г., в его памяти они явно смешались с конфликтом в связи со Скутарийским вопросом. (Сазонов С. Д., *Воспоминания*.)

8 Толстой И. И., *Дневник. 1906–1916*, Санкт-Петербург 1997, 414.

9 Ольденбург С. С., *Царствование Императора Николая II, Т. 2*, Мюнхен 1949, 96.

10 Блок А., *Дневник*, Москва 1989, 151.

11 Ibid, 394.

мараев отметил в дневнике: „Австрия готова к войне, у [н]ее 800 тысяч солдат готовы к бою“;¹² а один из агентов охраны докладывал о настроениях общества: „С самого начала вмешательство России считается неизбежным.“¹³

Писатель М. Горький в это время находился на о. Капри, но слухи и тревожные настроения доходили и до него. Он в письмах спрашивал своих знакомых о реальности войны с Дунайской империей. Кто-то ему сообщал, мол, „собираемся воевать“, он их называл „болванами“. Писатель А.В. Амфитеатров, много раз бывавший на Балканах, писал, что в это „покуда плохо верю“. Для М. Горького муссирование слухов о столкновении стало даже поводом для шуток. В декабре 1912 г. он задал вопрос критику и историку литературы Е.А. Ляцкому: „Ваш приезд столь же, кажется, гадателен, как австро-русская война?“¹⁴

Однако ожидание и предчувствие войны далеко не означало ее желанья. В этом вопросе подданные российского императора отнюдь не были единодушны, что заметно даже по донесениям чинов полиции, в которых часто проглядывают позиции самих авторов. Отсутствие согласия даже среди сотрудников центрального аппарата ведомства демонстрирует подготовка текста доклада императору об отношении населения к вероятной войне – на различных этапах выработки документа постоянно менялись акценты, делавшие войну то желанной, то нет.¹⁵

В войсках, где очевидно, пестовались требуемые настроения, царило единодушие. Агенты полиции сообщали, что в Москве солдаты „охотно пойдут бить австрияков, защищать братьев-славян“,¹⁶ в провинции офицерство выступало за вооруженное выступление, ожидая повышений и наград,¹⁷ а отбывшие лагерные сборы запасные и задержанные к увольнению нижние чины проявляли „пожела-

12 *Дневник Тотемского крестьянина А.А. Замараева, 1906–1922 год*, Москва 1995, 56.

13 ГАРФ. Ф. 63. Оп. 32. Ед. хр. 1346. Л. 19.

14 *Литературное наследство. Т. 95: Горький и русская журналистика начала XX века. Неизданная переписка*, Москва 1998. URL: http://az.lib.ru/g/gorxkij_m/text_0460.shtml (Дата обращения: 31.10.2019.).

15 Гусев Н.С., „‘...Какие вообще высказываются соображения по вопросу желательности вмешательства России в славянский вопрос’: доклад Департамента полиции об отношении населения России к возможности общеевропейской войны в 1912 г.“, *Славянский альманах 1-2/2017*, 428.

16 ГАРФ. Ф. 63. Оп. 32. Ед. хр. 1346. Л. 19.

17 ГАРФ. Ф. 63. Оп. 32. Ед. хр. 1346. Л. 11, 12.

ние идти на войну.¹⁸ Последнее подтверждал депутат-националист В.М. Пуришкевич, заявляя, что когда в Киеве солдатам объявили об отсрочке увольнения в запас, то „такое громкое, такое грозное “ура” раздалось среди запасных, какого давно не слышали“. А в Петербурге, по его словам, „отпускаемые солдаты уходят с горечью, с печалью.“¹⁹ Эта информация соответствовала данным полиции, по которым столичные гвардейские офицеры проявляли к вопросу о войне безразличие, а нижние чины не возмущались задержкой на службе. „Вообще, настроение войск вполне благоприятное“, – утверждал сотрудник охранного отделения.²⁰ Хотя в то же время из Смоленска сообщали о противоположных настроениях: „Среди запасных ходят слухи, что они не явятся [в] случае мобилизации в войска.“²¹ Следует учесть, что запасные уже успевали вкусить мирной жизни, вышли из-под воздействия армейской дисциплины и пропаганды, чем, вероятно, и объясняется отличие их позиции.

В случае полномасштабной мобилизации и серьезных боевых действий именно запасные должны были составить основную массу войск, среди них бы преобладали выходцы из наиболее многочисленных категорий населения – крестьян и рабочих, потому властям приходилось учитывать их мнение. Сейчас обрисовать его во всей полноте крайне сложно, поскольку не проводились социологические опросы, периодическая печать адекватно не отражала позицию крестьян и рабочих. На основании скудных донесений полиции можно утверждать следующее.

Рабочим Петербурга события на Балканах в целом были безразличны, проявляя некоторое сочувствие славянам, беспартийные пролетарии „будучи поглощены своею личною жизнью и заботами, считают войну для России нежелательной.“²² Казалось бы, это доказывает, что пролетариат услышал слова В.И. Ленина, дескать „травля Австрии, науськивание на войну с ней, крики о “славянских задачах” России – все это есть шитое белыми нитками стремление отвлечь

18 ГАРФ. Ф. 102. Оп. 121. 4-е делопроизводство. 1912 г. Ед. хр. 278. Л. 15.

19 *Стенографические отчеты / Гос. дума, четвертый созыв, сессия первая. Заседания 1–30: (с 15 ноября 1912 г. по 20 марта 1913 г.)*, Санкт-Петербург 1913, Стб. 2418.

20 ГАРФ. Ф. 102. Оп. 121. 4-е делопроизводство. 1912 г. Ед. хр. 278. Л. 33об.

21 Ibid. Л. 7.

22 Ibid. Л. 33об.

внимание от внутренних дел России и “урвать кусок” Турции.²³ Однако донесения из Москвы показывают, что газета „Правда“ имела меньшее влияние, нежели „Новое время“. Работавший в типографии агент охранки под псевдонимом „Андреев“ сообщал, что относительно Австро-Венгрии „зачастую приходится слышать восклицание <...> ‘Россия тебе покажет’ “, при этом особую воинственность проявлял „правый элемент, а в частности пожилые люди“. Другие московские агенты докладывали, что „рабочие из запасных не прочь сами повоевать. Верят в возможность вовлечения России в войну с Австрией и одобряют ее“. В общем, как подытоживал начальник Московского губернского жандармского управления, рабочие придерживаются позиции: „если Австрия вмешается, мы все пойдем“.

Донесения полиции из провинции также не дают однозначный ответ об отношении населения к войне. Если в Туле настроения совпадали со столичными, в Нижнем Новгороде бытовало мнение, „что Россия окажет славянам полную поддержку“, то в Рязани были осторожнее, рассматривая вмешательство „лишь как крайнее средство для поддержания нашего престижа на Балканах“, а в Твери „большинство высказывает необходимость со стороны России поддерживать все славянские требования до вмешательства включительно“, однако крестьяне относились к нему „отрицательно [в] смысле больших жертв“.

В Смоленске на вооруженный конфликт смотрели „как на народное бедствие“, в Орле слухи о возможности вооруженного столкновения наводили „некоторый страх“,²⁴ в Царицыне рабочие и крестьяне в большинстве негативно воспринимали такой вариант развития событий.²⁵

В Сибири население было настроено сдержанно. В Иркутске лишь военные и правые выступали за войну, остальные же считали, что война на Балканах „ведется буржуазией за свои интересы, а народ от нее ничего не выиграет.“²⁶ Из Томска же сообщалось, что „вообще население Западной Сибири мало интересуется славянским вопросом“, признает необходимость поддержки балканских народов, „но избегая вооруженного вмешательства, могущего нарушить

23 Ленин В. И., „О лисе и курятнике“, *Полное собрание сочинений*, Т. 22, Москва 1968, 149.

24 ГАРФ. Ф. 63. Оп. 32. Ед. хр. 1346. Л. 3–16.

25 Государственный архив Волгоградской области (далее – ГАВО). Ф. 6. Оп. 1. Ед. хр. 297. Л. 120.

26 ГАРФ. Ф. 102. Оп. 121. 4-е делопроизводство. 1912 г. Ед. хр. 278. Л. 17.

внутреннюю жизнь государства.²⁷ При этом в ряде регионов отмечалось опасение, что Россия еще не готова к полномасштабным боевым действиям, упоминался горький опыт русско-японской войны.²⁸ Обособленность позиции жителей региона, видимо, объясняется удаленностью от столиц и тем, что косвенно Сибирь была вовлечена в войну 1904–1905 гг.: через нее шли поставки, эшелоны с войсками в одну сторону, и ранеными – в другую.

Иные настроения царили в столицах, прежде всего, в среде интеллигенции и политиков, поскольку читающая публика так или иначе была вовлечена в перипетии внешней политики. Настроения этих кругов оказывались наиболее важными, поскольку именно они транслировались на всю страну, и власть слышала прежде всего их, а не крестьян, рабочих или жителей провинции.

Резкую позицию занимали правые. В Киеве правые организации считали „священной обязанностью России заботу о славянах, необходимость оказывать им поддержку в самых широких размерах“, а в случае войны ожидали энтузиазма в обществе.²⁹ В кулуарах Госдумы националист В.В. Шульгин говорил: „Хочешь мира, готовься к войне. Слишком уже дерзко-вызывающе ведут себя господа австрийцы“. Другие представители этого политического направления считали повод недостаточным. Князь А.П. Урусов, считал, что общеевропейская война из-за порта на Адриатике „совершенно невысказана“ националисту П.Н. Балашову казалось, что „воевать из-за какого-то Дураццо нелепо“, но при этом „всякой уступчивости есть предел и в случае, если общеславянские интересы будут затронуты, Россия не может не выступить в защиту их.“³⁰

Известный публицист М.О. Меньшиков 1 ноября на страницах „Нового времени“ советовал сербам не превращать свое требование выхода к Адриатике в *casus belli*, а подождать, поскольку „крайней необходимости“ в порту нет, а спустя некоторое время им отойдет все восточное побережье Адриатического моря.³¹ Однако в конце ноября вышла книга другого сотрудника „Нового времени“,

27 Ibid. Л. 18.

28 Ibid. Л. 16, 20.

29 Ibid. Л. 24.

30 Гальперина Б. Д., Перегудова З. И., Старцев В. И., „Донесения Л.К. Куманина из Министерского павильона Государственной думы, декабрь 1911 – февраль 1917 года“, *Вопросы истории* 2/1999, 6-7.

31 Кострикова Е. Г., *Геополитические интересы России и славянский вопрос: Идеологическая борьба в российском обществе в начале XX века*, Москва 2017, 268-267.

уроженца Боки Которской и личного друга Н. Пашича И.П. Табурно. В ней он доказывал, что выход к морю для Сербии – вопрос жизни и смерти, и Австро-Венгрия не имеет права выступать с позиции силы, поскольку серьезных войн никогда не выигрывала. И каким бы несущественным не казался для России повод, она должна предъявить своим верным балканским союзникам „более веские доказательства дружбы и поддержки. Недостаточно лишь восторгаться их победами, их успехами“. Для этого, указывал он, можно и вспомнить про оружие, столь непростительно забытое дипломатами.³² Солидарны с „Новым временем“ были и октябристский „Голос Москвы“, и прогрессистское „Утро России“. Они называли давление Вены откровенным шантажом, и доказывали, что Австро-Венгрия, угрожая войной, боится ее больше всех, ведь вся военная история этого государства – цепь унижительных поражений.³³

Примыкали в вопросе желательности войны к основной массе правых и октябристы. М.М. Алексеенко высказывал в Думе следующую мысль: „Само собой разумеется, что воевать из-за маленького порта нелепо, но нельзя же отрицать того, что выход Сербии к морю является для нее насущнейшим и жизненным вопросом“. По его словам, если у этого государства по-прежнему останется заслон на пути развития в виде Австро-Венгрии, то такой порядок не сможет долго существовать, „искра будет тлеть и в самом ближайшем будущем пожар неминуем.“³⁴ Лидер этой партии А.И. Гучков, согласно данным полиции, также настаивал на необходимости раздела адриатического побережья между Грецией и Сербией, так как создание Албании „вновь послужит яблоком раздора между всеми державами.“³⁵ Еще летом 1912 г. он посетил Белград, где всесил в сербское руководство уверенность в поддержке со стороны России. На обратном пути Александр Иванович встретился с российским посланником в Софии А.В. Неклюдовым. Дипломат, стараясь умерить пыл политика, напомнил А.И. Гучкову, что тот четыре месяца назад говорил ему, что Россия абсолютно не готова к войне, которая станет

32 Табурно И. П., *О сербских битвах (впечатления очевидца войны сербов с турками 1912 г.)*, Санкт-Петербург 1913, 140-144.

33 Котов Б. С., „Политика Австро-Венгрии во время Балканских войн 1912–1913 годов в оценках российской прессы“, *Новая и новейшая история* 4/2019, 79.

34 Гальперина Б. Д., Перегудова З. И., Старцев В. И., „Донесения Л.К. Куманина из Министерского павильона Государственной думы, декабрь 1911 – февраль 1917 года“, *Вопросы истории* 2/1999, 6-7.

35 ГАРФ. Ф. 102. Оп. 121. 4-е делопроизводство. 1912 г. Ед. хр. 278. Л. 31об.

для нее губительной. На это он в ответ услышал: „Да, это правда, но разве мы всю нашу современную историю когда-нибудь были готовы к событиям?..“³⁶

Провинциальные октябристы были более резки и непримиримы в своих взглядах на возможную войну. Региональное издание этой политической силы „Голос Самары“ обвинял своих земляков-пацифистов из „Волжского слова“ в предательстве национальных интересов, и указывал, что высказывания их оппонентов несут „заразу извращения и безумия в душу всего человечества.“³⁷ В целом, как считал начальник охранного отделения Петербурга, „среди названных общественных кругов (умеренно правых, умеренных и прогрессистов) мысль о войне России за славянское дело при указанных условиях является ныне популярной, между тем, как к русско-японской войне те же круги относились вполне отрицательно.“³⁸

Не имели четкой позиции либералы. П.Н. Милюков в Думе выступал против войны: „Говорят о необходимости удовлетворить самолюбия, но положение дел таково, что есть нечто более важное, чем самолюбия. Быть может, ни та ни другая сторона вполне удовлетворены не будут, но зато будут предотвращены осложнения весьма серьезные“. Но если он „указывать не брался“, в каком направлении должен разрешиться конфликт, то его однопартиец В.А. Маклаков предлагал выход из ситуации: по примеру КВЖД Сербия могла бы взять в аренду территорию Албании на 100 лет, дабы там провести железную дорогу к морю. Однако он признавал изъян своего плана: „было легко ладить с мирными китайцами, а албанцы народ дикий“. Но и это препятствие казалось преодолимым, поскольку „важно то, что конфликт необходимо решить мирным путем“. Прогрессист А.А. Бубликов и вовсе считал, что „никаких реальных интересов на Балканском полуострове у нас нет“, поэтому и речи не может идти ни о каком другом разрешении конфликта, кроме как мирном.³⁹ Таким образом, в Думе либералы сохраняли большую трезвость рассуждений. Надо отметить, это ка-

36 Nekludoff A., *Diplomatic reminiscences before and during the World War, 1911-1917*, London 1920, 98-100.

37 Смирнов Ю. Н., „Глобальные предупреждения провинциального журналиста: публикации Н. Северского (А.И. Свидерского) в период Балканских войн (1912-1913 гг.)“, *XX век и Россия: общество, реформы, революции. Вып. 2*, Самара 2014, 149.

38 Ibid. Л. 31.

39 Гальперина Б. Д., Перегудова З. И., Старцев В. И., „Донесения Л.К. Куманина из Министерского павильона Государственной думы, декабрь 1911 – февраль 1917 года“, *Вопросы истории* 2/1999, 6-7.

салось и их изданий. С.Д. Сазонов вспоминал, что газеты данного направления в вопросах внешней политики „не утрачивали способности беспристрастной и здравой оценки политического положения.“⁴⁰ Надо признать, что этому немало поспособствовал сам глава МИД, который в октябре провел закрытую встречу с представителями этого лагеря. После нее газета кадетов „Речь“, ранее упрекавшая министра в чрезмерной уступчивости Австро-Венгрии, стала хвалить осторожность российской внешней политики.⁴¹

Однако внутривластного согласия по поводу войны у кадетов не было. Довольно топорно и явно с некоторым пристрастием это описывал столичный чин охранного отделения: „Среди же собственно кадет, по агентурным сведениям, образовалось два течения: одно – еврейское, в главе с Милюковым и Винавером и другое – славянское. Группа еврействующих становится на сторону австрийских притязаний и защищает политику Сазонова. Славянское же направление, во главе с М. Ковалевским, солидарно с прогрессистами, октябристами и националистами.“⁴²

В действительности же, конечно, ситуация была сложнее. В октябре 1912 г. вопрос вмешательства в войну активно обсуждался на заседании Петербургского отделения ЦК кадетов. Один из его членов, А.Р. Ледницкий, опасался, что сдержанная позиция приведет к тому, что „общественное движение пройдет мимо нас“. П.Б. Струве указывал, что русские „определенные задачи при ликвидации Турции в Европе“ – проливы, а данный момент для борьбы за них более благоприятен, чем в 1853 г. С ним соглашался Н.А. Гредескул, считая, что текущая ситуация выгодна России, а не Австро-Венгрии. „Война в высшей степени нежелательна, но и для самого предотвращения войны нельзя от нее зарекаться“, – заявлял он на заседании ЦК. П.Н. Милюков выдвинул в защиту своей позиции ряд обдуманных аргументов. Он не считал необходимым для России сейчас вступать в войну из-за интересов южного славянства, стране необходимо реализовывать свои цели – приобретение проливов. В данной же ситуации „вопрос о ликвидации Турции еще не наступил“. Поэтому, по мнению лидера кадетов, партия должна вести себя тонко и дипломатично, открыто не заявлять свое видение вопроса, чтобы в глазах населения не быть связанной с захватнической политикой.⁴³

40 Сазонов С. Д., *Воспоминания*.

41 Шелохаев В. В., *Либеральная модель переустройства России*, Москва 1996, 179.

42 ГАРФ. Ф. 102. Оп. 121. 4-е делопроизводство. 1912 г. Ед. хр. 278. Л. 29об.

43 Шелохаев В. В., *Либеральная модель переустройства России*, 200-205.

Тем не менее жесткая партийная дисциплина у кадетов отсутствовала, и профессор М.П. Чубинский публично заявлял в обществе Славянского научного единения, что на Балканах идет борьба за начала свободы и культуры, „и если России во имя этих лозунгов придется пережить кровавые минуты, то мы верим, что из этого исторического испытания она выйдет с громадным выигрышем для себя и для своего будущего внутреннего развития.“⁴⁴

Затем этот вопрос подняли на заседании Московского отделения ЦК кадетов, оказавшегося еще более воинственным, нежели Петербургское.⁴⁵ Но и в первопрестольной кадеты не были едины. Правая часть членов партии считала, что уступка России нанесет удар по престижу страны не только за рубежом, но и среди широких масс. Левое течение придерживалось мнения, что война приведет к революционным потрясениям. В частной беседе бывший профессор Московского университета А.А. Кизеветтер утверждал, что правительство „хорошо помнит внутренние последствия японской войны.“⁴⁶

Этого же опасалась часть московских правых,⁴⁷ а газета „Земщина“, известная своими германофильскими взглядами, и вовсе строила конспирологические теории, предполагая, что в прославянской агитации части прессы кроется „масонская интрига“, суть которой – сравнить Россию и Германию в войне, на почве которой вызвать новую революционную смуту.⁴⁸ На это, согласно донесениям охранки, рассчитывали левые партии в большинстве регионов, а также финны, поляки и прибалты. По непроверенным агентурным сведениям, черноморские моряки даже планировали заявить протест против участия в боевых действиях.⁴⁹ Гораздо реже революционные партии опасались „усиления национализма и реакции в случае победоносного заступничества России за славян.“⁵⁰

Совершенно обособленную позицию занимали представители буржуазии. Они уже второй год, с начала итало-турецкой вой-

44 Чубинский М. П., „Балканская война и вопросы культуры“, *Славянский вопрос в его современном значении*, Санкт-Петербург 1913, 119.

45 Шелухаев В. В., *Либеральная модель переустройства России*, 200-205.

46 ГАРФ. Ф. 102. Оп. 121. 4-е делопроизводство. 1912 г. Ед. хр. 278. Л. 3.

47 Ibid. Л. 2.

48 Котов Б. С., *Образы Германии и Австро-Венгрии в российской прессе накануне Первой мировой войны. 1912–1914 гг. (по материалам либеральной и консервативной печати)*: Диссертация на соискание ученой степени канд. ист. наук, Москва 2014, 183.

49 ГАРФ. Ф. 102. Оп. 121. 4-е делопроизводство. 1912 г. Ед. хр. 278. Л. 15об.

50 Ibid. Л. 17.

ны в 1911 г., терпели убытки в связи с нарушенным режимом работы черноморских проливов, через который шла значительная часть русского в первую очередь хлебного экспорта: несмотря на то, что в 1912 г. сбор хлеба вырос на 26 % по сравнению с 1911 г., доход от его экспорта уменьшился на 37 %.⁵¹ По этой причине посетивший Одессу накануне Первой балканской войны глава болгарского парламента С. Данев встретил негативное отношение местного торгового мира к возможному столкновению, которое, в принципе, могло бы решить проблему черноморских проливов.⁵² Полномасштабная же война грозила буржуазии еще бóльшими потерями. И, как сообщал агент московской охранки, среди торгово-промышленных кругов „проскальзывает нотка, что сочувствие сочувствием, а не надо забывать своих экономических интересов.“⁵³ Сходно донесение его коллеги из Ярославля, утверждавшего, что указанная категория населения губернии „погруженная в личные заботы, весьма слабо реагирует на Балканские события, <...> остается в стороне от активных проявлений.“⁵⁴ Аналогично мнение современника событий К. Арсеньева, высказанное им в подводящем итоги 1912 г. номере газеты „Русские ведомости“: „Как ни велико сочувствие к грекам и славянам, льющим кровь за независимость и свободу, как ни заманчиво звучат голоса, призывающие к новому вооруженному вмешательству в вековую распрю, воинственное настроение не находит почвы в умах, занятых великой домашней работой.“⁵⁵

Чем же руководствовались сторонники войны? В первую очередь соображениями престижа. Столичные умеренные круги считали войну допустимой лишь в случае вооруженного выступления Австро-Венгрии или „оскорбления достоинства России“.⁵⁶ Кадет В.А. Маклаков заявлял, что „России нельзя умывать руки“ перед Балканскими событиями, поскольку это стало бы показателем слабости страны и нанесло „страшно тяжелый удар престижу России не только за границей, но в широкой массе русского же общества.“⁵⁷ Харьковские жандармы доносили, что „если Россия помимо воли, в целях охране-

51 Шепелев Л. Е., *Царизм и буржуазия в 1904–1914 гг. Проблемы торгово-промышленной политики*, Ленинград 1987, 21.

52 Данев С., *Мемоари*, София 1992, 140.

53 ГАРФ. Ф. 102. Оп. 121. 4-е делопроизводство. 1912 г. Ед. хр. 278. Л. 21об.

54 Ibid. Л. 12.

55 Русские ведомости, 1. 1. 1913.

56 ГАРФ. Ф. 102. Оп. 121. 4-е делопроизводство. 1912 г. Ед. хр. 278. Л. 30 об.

57 Ibid. Л. 2об.

ния своего достоинства“ будет вынуждена начать боевые действия, то война будет популярной.⁵⁸ Их коллеги из Центральной России считали, что „терпимость России в случае агрессивной политики Австрии вызовет горькое чувство народных масс и нападки оппозиции на бессилие России, на политику правительства, создавшего это бессилие.“⁵⁹ Подобное восприятие целей войны не единожды отмечалось. Петербургская профессура считала, что в случае разгрома Австрией Сербии „будет взрыв негодования и порицания бездеятельности правительства.“⁶⁰ Начальник Киевского охранного отделения и вовсе утверждал, что „вооруженное вмешательство как идейная поддержка славян не имеет почвы, <...> но твердая политика к недопущению Австрии до посягательств на интересы России будет встречена сочувственно.“⁶¹

Весь ноябрь 1912 г. общественные настроения все более и более склонялись к войне. 27 ноября И.П. Табурно отправил Н. Пашичу письмо, в котором рассказал о своем видении столичных настроений и встречах с руководством страны. Премьер-министр и министр иностранных дел указывали ему на необходимость Сербии смириться, военный министр сообщил, что страна готова к любому исходу событий. По мнению журналиста, в руководстве страны „действует два направления, одно – Сазонов-Коковцов, второе – это вел[икий] князь Ник[олай] Ник[олаевич], оба направления дерутся насмерть“. И, как следует из письма, сторонники войны во главе с вел. кн. Николаем Николаевичем-младшим, женатым, к слову на дочери черногорского короля, брали верх. В конце послания И.П. Табурно обнадеживал своего влиятельного друга: „Ну с Богом, дорогой Никола, будь крепок, все военные и многие другие, невоенные, говорят, пусть сербы будут тверды, пусть не сдаются, пусть не отступают, и все будет хорошо.“⁶² Однако надежда оказалась ложной.

5 декабря 1912 г. в Таврическом дворце выступал председатель правительства В.Н. Коковцов, приветствуя новый состав Государственной Думы, и изложил взгляды и планы правительства на ближайшее время. Не мог он не затронуть и „вопроса, на котором с

58 Ibid. Л. 21.

59 Ibid. Л. 20.

60 Ibid. Л. 33об.

61 Ibid. Л. 24об.

62 Гусев Н. С., Шемякин А. Л. „Пусть сербы будут тверды, пусть не сдаются, пусть не отступают, и все будет хорошо“: письмо русского журналиста черногорского происхождения И. П. Табурно сербскому премьеру Н. Пашичу в разгар австро-сербского кризиса 1912 г.“, *Славянский альманах 3-4/ 2019* (в печати).

тревогою и напряженно сосредоточено ваше внимание, так же, как и внимание всей России". Его слова были дипломатично бессодержательны. Правительство, как он подчеркнул, при принятии решения должно руководствоваться прошлым наравне и с „условиями современной политической обстановки“, стремиться к „фактически достижимому, не поддаваясь увлечениям чувства“. В конце своей речи премьер заявил, что выступает за сохранение европейского мира, выразил надежду, что „грядущие события не затронут жизненных интересов России, которые мы призваны ограждать всеми нашими силами во имя чести и достоинства нашей родины.“⁶³

Не всех депутатов удовлетворило выступление В.Н. Коковцова. Монархист В.В. Шульгин заявлял, что речь должна была быть жестче, следовало бы указать, „что хотя мы войны и не желаем, но ее не боимся.“⁶⁴ Буквально дословно вторил ему с трибуны Думы кадет В.А. Маклаков. 13 декабря в Думе публично защищал позицию правительства П.Н. Милюков, утверждая, что русского крестьянина „нельзя вести на убой“ из-за второстепенных интересов.⁶⁵ Но он, очевидно, оставался в меньшинстве.

Подтверждает описанную картину донесение болгарского посланника С. Бобчева своему руководству. В декабре 1912 г. он сообщал, что часть русского общества желает непременно удовлетворить желания сербов. Во главе идеологов этого течения, по его мнению, стояла редакция газеты „Новое время“. Прогрессивная печать и оба полюса политического спектра выступали за примат интересов самой России, основную же часть населения пугала война, поэтому они ограничивались выражением симпатий славянам. Ощущение грядущей войны при этом не было перманентным – по словам С. Бобчева, все постоянно менялось: сегодня все чувствуют, что накануне столкновения с Австро-Венгрией, а на следующий день в обществе царит спокойствие.⁶⁶

В конечном итоге, поняв опасность ситуации, не получив от союзников твердых заверений в полной поддержке российская дипломатия согласилась на создание Албании. „Новое время“ не-

63 Стенографические отчеты / Гос. дума, четвертый созыв, сессия первая. Заседания 1–30: (с 15 ноября 1912 г. по 20 марта 1913 г.), 279–280.

64 Гальперина Б. Д., Перегудова З. И., Старцев В. И., „Донесения Л.К. Куманина из Министерского павильона Государственной думы, декабрь 1911 – февраль 1917 года“, *Вопросы истории* 2/1999, 14–15.

65 Шелохаев В. В., *Либеральная модель переустройства России*, 207–208.

66 ГАРФ. Ф. Р8091. Оп. 36. КМФ-5. Болгария, поступление 3А-36. Ед. хр. 84. Л. 15–18.

замедлительно назвала это „дипломатическим Мукденом“,⁶⁷ большинство изданий посчитали это отступлением России и прогнозировали дальнейшее наступление Австро-Венгрии.⁶⁸ Однако угроза войны была отсрочена...

Осенью 1912 г. русское общество расколосось. Большинство политиков и публичных изданий яро выступали за твердую поддержку сербских притязаний вплоть до объявления войны Австро-Венгрии. Доходило до того, что, как отмечала охранка, несогласные с такой позицией московские газеты боялись печатать статьи иного настроения, чтобы не потерять популярность.⁶⁹ В итоге, как отмечает российский исследователь Е.Г. Кострикова, частью общества была пройдена черта, за которой общеевропейская война перестала восприниматься со всей опасностью, „слово “война” легко произносилось на “патриотических” манифестациях, мелькало на страницах газет.“⁷⁰

Однако хотя монархисты и октябристы за редкими исключениями к этому относились положительно, в качестве мотивов у них редко выступала защита интересов Белграда. Как ни старались сербские эмиссары донести до русского общества важность порта на Адриатике, абсурдность создания албанского государства,⁷¹ для этих кругов основным мотивом оставались интересы и престиж России. Понимание интересов России раскалывало либералов: часть из них видела их в защите Сербии, часть – в обладании проливами, а война с Австро-Венгрией не могла решить эту проблему. Но, поддаваясь общим настроениям, и либералы постепенно переходили на воинственные позиции.

Больше всего войны боялась буржуазия, которая мечтала о пресловутых 20 годах покоя внутреннего и внешнего. И эта часть общества главу МИД С.Д. Сазонова, уступившего Австро-Венгрии в вопросе Адриатического побережья, не кляла, а благодарила. Как он затем рассказывал своему подчиненному, на выставке в Ярославле перед ним на колени бросился „один известный русский купец“, что-

67 Кострикова Е. Г., *Геополитические интересы России и славянский вопрос: Идеиная борьба в российском обществе в начале XX века*, 271.

68 Котов Б. С., „Политика Австро-Венгрии во время Балканских войн 1912–1913 годов в оценках российской прессы“, *Новая и новейшая история* 4/2019, 82.

69 ГАРФ. Ф. 102. Оп. 121. 4-е делопроизводство. 1912 г. Ед. хр. 278. Л. 2об.

70 Кострикова Е. Г., *Российское общество и внешняя политика накануне Первой мировой войны. 1908–1914*, Москва 2007, 398-399.

71 Гусев Н. С., „Сербь в борьбе за Адриатику на поле русского общественного мнения в 1912 г.“, *Внешиполитические интересы России: история и современность: сб. материалов III-й Всероссийской научной конференции*, отв. ред. А.Н. Сквозников, Самара 2016.

бы выразить свою благодарность за то, что „во время Балканской войны он спас Россию от войны.“⁷²

Предчувствие войны проникало и в крестьянскую среду. Упомянутый А.А. Замараев в дневнике подвел итог 1912 г.: „Этот год был для России тихой. Войны и мятежей не было. Только к концу года Австрия пугала нас войной, и Россия была настороже.“⁷³ В то же время понимание причин и поводов отсутствовало, поскольку, как показало проведенное в 1914 г. исследование, в деревнях не было принято выписывать и читать газеты.⁷⁴ Поэтому, когда во время Первой мировой войны генерал А.А. Брусилов спрашивал в окопах у солдат о причинах войны, получал следующий ответ: „Какой-то там эрц-герцперц с женой были кем-то убиты, а потому австрияки хотели обидеть сербов. Но кто такие сербы, не знал почти никто.“⁷⁵

Принятое осенью руководством России решение не начинать войну с Австро-Венгрией с целью защиты сербских интересов не могло предотвратить Первую мировую войну, оно ее лишь отсрочило. Но начавшаяся осенью 1912 г. антиавстрийская истерия, которая получила продолжение в славянских манифестациях и обедах весны 1913 г.,⁷⁶ воздействовала на настроения русского общества, стремительно эволюционировавшие в сторону воинственности. И это в совокупности с тем фактом, что требования Австро-Венгрии в 1914 г. угрожали уже не экономическому развитию Сербии, а самому ее существованию, послужило причиной патриотического подъема и одобрения населением вступления в Первую мировую войну.

72 Соловьев Ю. А., *Воспоминания дипломата. 1893–1922*, Москва 1959. URL: http://dugward.ru/library/solovyev_diplomat/solovyev_vosp_diplomata.html#madrid (Дата обращения: 31.10.2019.).

73 *Дневник Тотемского крестьянина А.А. Замараева, 1906–1922 год*, 56–57

74 Александров Н., „Мы сначала возьмем Краков, а потом уже Берлин. Костромская деревня в начале войны“, *Родина* 6/ 2014, 112.

75 Брусилов А. А., *Воспоминания*, Москва 1963, 82.

76 О них см.: Гусев Н. С., „Разгон манифестаций в поддержку славян в России весной 1913 года“, *Славяноведение* 3/2018.